

Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации

 С.В. Доронина^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Алтайская лаборатория судебной экспертизы Минюста России, Барнаул 656036, Россия

² ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», Барнаул 656049, Россия

Аннотация. Высказывания экстремистской направленности многообразны и могут быть классифицированы в нескольких аспектах: семантическом, прагматическом и риторическом. Анализ экспертной практики позволяет выделить два семантических класса: высказывания о национальной/религиозной группе и высказывания о националистическом течении. С точки зрения прагматики высказывания делятся на следующие виды: побуждения к действиям против группы; утверждения о действиях против группы, негативном отношении к ней; унижение представителей группы; угроза представителям группы. При этом высказывания-констативы подразделяются на две подгруппы в зависимости от их риторической структуры: сугубо оценочные высказывания и высказывания, содержащие обоснование негативных суждений. Содержание и прагматические признаки «экстремистских» контекстов встречаются в разных комбинациях, многообразие которых ограничено особенностями коммуникативной ситуации. В работе обобщена экспертная практика по исследованию высказываний экстремистской направленности, произнесенных преимущественно в ходе межличностных бытовых конфликтов. Показано, что многообразие высказываний может быть сведено к конечному перечню признаков, являющихся специальным предметом исследования.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, бытовой дискурс, экстремизм

Для цитирования: Доронина С.В. Речевой экстремизм в бытовой межличностной коммуникации // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 2. С. 61–66.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-61-66>

Verbal Extremism in Everyday Interpersonal Communication

 Svetlana V. Doronina^{1,2}

¹ Altai Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice, Barnaul 656036, Russia

² Altai State University, Barnaul 656049, Russia

Abstract. The extremist statements are diverse and can be classified in a range of aspects: semantic, pragmatic and rhetorical. Analysis of expert practice enables to distinguish two semantic classes: statements about national/religious group and statements about nationalist ideology. In terms of pragmatism the statements are divided into the following types: calls for action against a group; statements about actions against a group and negative attitude to it; humiliation of group members; threat to group members. Apart from that constative statements are divided into two subgroups depending on their rhetorical structure: evaluative statements and statements containing justification for negative judgments. The content and pragmatic signs of “extremist” contexts can be found in various combinations limited by the features of a communicative situation. The article summarises expert practice on the study of extremist statements uttered primarily during interpersonal domestic disputes. It is shown that the variety of statements can be reduced to a finite list of features which are a special subject of the research.

Keywords: forensic linguistic analysis, domestic discourse, extremism

For citation: Doronina S.V. Verbal Extremism in Everyday Interpersonal Communication. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 61–66. (In Russ.).
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-2-61-66>

«Экстремистские» значения в разных типах дискурса

Проявления речевого экстремизма являются, пожалуй, наиболее частым объектом исследования в современной лингвистической практике. Благодаря внедрению методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [1], сегодня эксперт снабжен системой лингвистических категорий и методов, которые необходимо использовать в исследовании высказываний, попавших в правовую сферу.

При переводе признаков преступления, отраженных в законодательстве, на мета-язык лингвистической семантики выделяются две особые группы признаков, которые должны интересовать эксперта. Первая группа – семантические признаки, поскольку «экстремистский» текст в прямой или косвенной форме передает негативную информацию о национальной/религиозной группе или положительное отношение к какому-либо радикальному политическому течению. Вторая группа признаков – прагматические. С точки зрения прагматики экстремистские тексты содержат следующие виды высказываний:

- побуждения к действиям против группы;
- утверждения о действиях против группы, негативном отношении к ней, негативных качествах ее представителей;
- унижение представителей группы;
- угроза представителям группы.

При этом высказывания-констативы подразделяются на две подгруппы в зависимости от их риторической структуры:

- высказывания, содержащие оправдание негативных суждений, выражающие только семантику оценки национальных/религиозных групп или враждебных действий против них;
- высказывания с развернутой аргументативной структурой, содержащие обоснование негативных суждений.

Семантические и прагматические признаки экстремистского значения встречаются в разных комбинациях, многообразии которых, однако, ограничено особенностями коммуникативной ситуации и может быть сведено к конечному перечню дискурсивных типов. Как правило, искомые семантические компоненты обнаруживаются в репликах, порожденных в ходе бытовых межличностных конфликтов, в публичных высказываниях (комментариях пользователей социальных сетей), текстах специальных пропагандистских жанров (видеороликах, демотиваторах), а также в художественных текстах (преимущественно

текстах песен). Таким образом, классификация спорных текстов, предоставляемых на исследование эксперту, может быть произведена с точки зрения регистров общения и функциональной типологии дискурса. Некоторые виды экстремистского дискурса уже были подвергнуты типологическому описанию. В частности, выявлены особенности художественного [2, 3] и пропагандистского [4, 5] текстов, содержащих лингвистические признаки экстремизма. Вместе с тем языковое воплощение значений, запрещенных к публичному выражению в условиях бытового общения, до сих пор не сделано. Необходимость данной работы обусловлена частотой правонарушений, совершаемых в ходе межличностных конфликтов. Кроме того, задача профилактики преступлений экстремистского характера, активно обсуждаемая в современной западной литературе, в первую очередь требует составления речевого портрета радикально настроенных лиц [6, 7]. Начало этой масштабной работы может быть положено путем систематизации случаев экспертной практики.

Средства выражения «экстремистских» значений в бытовой межличностной коммуникации

Количество бытовых конфликтов на национальной и религиозной почве угрожающе растет. Как правило, они порождают диалоги, в которых речевая агрессия проявляется эксплицитно, а объект агрессии является адресатом высказывания. Для выражения общей негативной оценки субъекта чаще всего используется слово «чурка» и его еще более экспрессивный синоним «чурбан», который не представлен в словарях как средство обозначения национальных групп, что вызывает затруднения в установлении объекта оценки при производстве экспертизы.

Обычно конфликтные бытовые диалоги реализуются в речевых актах трех видов: инвективе (унижении), небенефактивном волеизъявлении и угрозе.

Инвективы

Речевой акт унижения устанавливается на основе актуализирующегося в коммуникативном акте соотношения участников. Речевой целью инвектора является принижение статуса собеседника, соответствующее утверждению «ты мне не равен, ты хуже меня». Речевая цель реализуется с помощью разнообразных средств, наиболее частыми из которых являются негативно-оценочные высказывания со значением общей оценки (*выродки, чмо*), ут-

Таблица. Семантическая структура речевого акта угрозы

Table. Semantic structure of a speech threat act

Параметры описания	Угроза-предупреждение	Угроза-наказание
Ты знаешь	что я могу тебе сделать нечто плохое	
Ты хочешь	чтобы я не делал тебе ничего плохого	
Я говорю	если ты сделаешь X*, то я сделаю тебе нечто плохое	так как X имеет место, то я сделаю тебе нечто плохое, в частности Y**
Я хочу	чтобы ты не делал X	чтобы ты чувствовал себя плохо (испытывал страх, обиду, возмущение и пр.)

*X – причина волеизъявления

**Y – будущие действия

верждения об унижающих собеседника действиях (*Имел я тебя!*), выражения, направленного на разрыв контакта (*Да пошел ты!*), выражения неудовлетворенности действиями объекта речи (*Понаехали!*).

Выражения «*Понаехали тут чурки!*», «*Понаехали узбеки в мою Россию!*» и пр. выступают весьма частым средством эмоциональной негативной оценки факта приезда в Россию представителей других этнических групп. Однако лексикографическое описание соответствующего глагола в словарях литературного языка не содержит аксиологической оценки события. Понаехать – (разг.). Наехать постепенно, мало-помалу (*Понаехали гости. К нам понаехало много народу*). От «наехать» – приехать в каком-нибудь количестве или внезапно¹.

Негативная оценка выражается целой синтаксической конструкцией, в которой наблюдается взаимодействие лексических, синтаксических и интонационных средств. Исследуемое предложение относится к высказываниям типа «*Разорался (тут)!*», «*Натоптали!*», «*Сидит, (понимаешь)!*», «*Понаставят всякого баракла!*», которые представляют собой эллиптические конструкции с опущенным субъектом и обязательно выраженным предикатом в форме изъявительного наклонения третьего лица единственного или множественного числа. Лексическим наполнением предложения являются глаголы активного действия, преимущественно со значением отклонения от средней меры. Высказывания, как правило, сопровождаются специфической интонацией – ИК-2 модальной реализации, представляющей «...более высокий по сравнению с нейтральной реализацией уровень тона, который начинается с ударного гласного первого слова и продолжается до гласного центра, передает недовольство»².

Волеизъявления

Небенефактивные волеизъявления в бытовых этнических конфликтах достаточно од-

нообразны. Как правило, инвектор побуждает адресата удалиться с территории, которую говорящий считает своей: «*Валите из России, без вас хорошо!*», «*Убирайтесь в свою страну!*». Другой частый вид волеизъявления в адрес собеседника – пожелание ему смерти: «*Сдохни, чурка!*».

Речевые акты угроз также не отличаются многообразием. Как правило, в экстремистском дискурсе представлена лишь одна из разновидностей данного речевого акта – угрозы-наказания [8]. На языке семантических примитивов [9] специфика данного вида речевых актов может быть представлена следующим образом (см. табл.).

Причиной волеизъявления (X) является исключительно национальность собеседника и качества лица, обусловленные его этнической принадлежностью: «*Я тебя сейчас убью, потому что чурка!*», «*Сейчас мы вас хачей будем резать*», «*Я убью тебя, ишак узкоглазый!*», «*Вас всех надо убивать!*». Будущие действия (Y), указываемые в волеизъявлении, – причинение смерти, иного физического вреда, побуждение покинуть территорию проживания.

Угрозы

Речевая цель угрозы может быть выражена имплицитно, например путем указания на наступление в будущем негативных событий: «*Хохлы и беженцы здесь жить не будут*». Несмотря на то что подобные высказывания не содержат указаний на конкретного исполнителя небенефактивных действий и на их насильственный характер, речевая цель угрозы может быть доказана однозначно. Обоснованием данного экспертного решения может выступать сопоставление речевого акта угрозы и смежных с ним речевых актов «обещание» и «предостережение»³. При обещании будущее действие описывается

³ В решении данного вопроса помощь эксперту оказывает и «Методика...»: «Если предупреждение типа ‘вам будет плохо’ не сопровождается пояснением иного типа (ср.: *вы заболете, будете жить хуже* и пр.), то оно обычно используется в функции угрозы насильственных действий» [1, с. 79].

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 551.

² Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 233.

конкретно и является обязательным к исполнению. Угроза преследует цель добиться определенного поведения от собеседника либо вызвать чувство страха. Поэтому в угрозе небенефактивное действие может остаться не конкретизированным (*Вот уж я тебе!*) [10]. Сравнение речевого акта угрозы с предостережением позволяет выделить другой его значимый признак. Речевой акт предостережения сообщает о небенефактивном событии, которое случится без участия говорящего [11, с. 73]. Поэтому лицо, в адрес которого высказывается предостережение, само должно следить за возможностью наступления негативных последствий и стремиться избежать их. В речевом акте угрозы наступление негативных событий напрямую связано с говорящим. В исследуемом нами высказывании «*хохлы и беженцы здесь жить не будут*» внешние причины наступления негативных событий не указаны и не вытекают логически из коммуникативной ситуации. Следовательно, в соответствии с коммуникативными максимами количества и качества [12] инициатором негативных событий будет являться сам говорящий.

Таким образом, по сравнению с описанными в литературе речевыми тактиками ссоры [13] бытовые конфликты с этнической составляющей характеризуются крайней скудостью палитры речевых приемов. Инвекторы избирают прямые способы выражения агрессии, используют ограниченный набор лексических средств, избегают тактик, требующих творческого подхода к способам выражения значения. По нашим наблюдениям, в бытовых межэтнических конфликтах участвуют преимущественно лица мужского пола, что налагает отпечаток на характер речевого поведения коммуникантов.

Коммуникативная ситуация в экспертной оценке бытовой межличностной коммуникации

Главную проблему анализа межличностного бытового дискурса представляет различие бытовой и социальной враждебности, о необходимости которого говорят многие специалисты (см., например, [14]). Бытовая враждебность является следствием ситуативно обусловленного конфликта, а социальная враждебность, напротив, является следствием этнической или религиозной интолерантности. Полагаем, что лишь конфликты второго типа могут быть расценены как проявление экстремизма в разговорной речи. Но, к сожалению, нередки случаи, когда конфликт, возникший на бытовой почве,

неверно интерпретируется как национальный/религиозный. Причиной такого смешения являются избираемые коммуникантами речевые средства. Так, например, высказывание «*А ты, чурка, чего тебе надо? А ну вали отсюда! Мы таких, как ты, в Чечне резали!*» содержит негативно-оценочную лексему, обозначающую лицо по его национальной принадлежности, и представляет собой речевой акт угрозы, выраженной в виде импликации: «Аналогичные действия будут совершены также и по отношению к тебе». Анализ подобного высказывания в отрыве от коммуникативной ситуации может привести эксперта к выводу о наличии речевых целей унижения и угрозы в адрес лица как представителя национальной группы. Однако согласно протоколам допросов свидетелей и подозреваемого высказывание было произнесено в ходе драки, спровоцированной обстоятельствами, не связанными с национальной принадлежностью лица: адресат высказывания являлся случайным участником конфликта в баре, ввязался в пьяную драку с целью оказания помощи товарищу. В данных условиях исследуемый речевой акт приобретает иное прагматическое значение. В нем усматривается коммуникативная цель возбуждения аффекта, заключающаяся в нанесении собеседнику своеобразного «эмоционального удара» [13], стремлении напугать его и прогнать. Таким образом, без знания условий возникновения и протекания ссоры правильная экспертная оценка бытового диалога оказывается невозможной. Вместе с тем, как показывает практика, установление обстоятельств речевого конфликта по протоколам допросов потерпевших/свидетелей часто бывает затруднено по причине тенденциозного описания коммуникативной ситуации конфликтующими сторонами. Умолчание о значимых обстоятельствах протекания ссоры в сочетании с семантическим анализом инвектив-этнофолизмов, сделанным экспертом, формирует картину речевого преступления на национальной почве, в то время как ссора может иметь бытовой характер. Избежать подобных ошибок возможно лишь путем тщательной фиксации признаков правонарушения, в том числе аудиозаписью разговора, содержащего спорные высказывания. Предлагаемое требование к предоставляемым материалам существенно уменьшит количество обращений в судебно-следственные органы в случае межличностных бытовых конфликтов и в то же время снизит вероятность экспертных ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: РФЦСЭ, 2014. 98 с.
2. Иваненко Г.С. Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 200–203.
3. Плотникова А.М. Лингвистическая экспертиза художественного текста по делам о противодействии экстремизму // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 18–21. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2014-4-18-21>
4. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том. 12. № 2. С. 53–65. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
5. Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. 2015. № 4. С. 19–27.
6. van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. 24 p. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
7. Stephens W., Sieckelinc S., Boutellier H. Preventing Violent Extremism: A Review of the Literature // Studies in Conflict and Terrorism. 2019. 16 p. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1543144>
8. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19). По материалам Международной конференции «Диалог» (2013). Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 72–82. http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf
9. Вержбицка А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) / Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. Сборник научных статей. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–80.
10. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащей речи. М.: МГУ, 2002. 751 с.
11. Булыгина Т.В., Селиверстова О.Н., Ишевская Н.А. и др. Семантические типы предикатов / Под ред. О.Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982. 365 с.
12. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
13. Седов К.Ф. Ссора / Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. Сборник научных статей. М.: Лабиринт, 2007. С. 259–269.
14. Мишланов В.А. Законодательство РФ об экстремизме и задачи лингвистической экспертизы текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 62–69.

REFERENCES

1. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Method of conducting complex forensic psycholinguistic examination of the affairs connected with counteraction to extremism and terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
2. Ivanenko G.S. Linguistic expertise: specificity of the expert study of an artistic text for signs of extremism. *Herald of Nekrasov Kostroma State University = Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* 2014. No. 6. P. 200–203. (In Russ.)
3. Plotnikova A.M. Linguistic assessment of literary texts in cases related to extremism prevention. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 18–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2014-4-18-21>
4. Baranov A.N., Parshin P.B. Propaganda as a category in forensic text analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 2. P. 53–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-53-65>
5. Korosteleva L.V. Extremist discourse: features, illocution, pragmatics. *Legal Linguistics*. 2015. No. 4. P. 19–27. (In Russ.)
6. van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. 24 p. <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>
7. Stephens W., Sieckelinc S., Boutellier H. Preventing Violent Extremism: A Review of the Literature. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2019. 16 p. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1543144>
8. Baranov A.N. Semantics of threat in forensic linguistics. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2013). Issue 12. Vol. 1 of 2. Main conference program*. P. 72–82. (In Russ.). http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf
9. Vezhbitska A. Speech genres (in the light of elementary semantic units theory). In: *Anthology of speech genres. Everyday communication. Collection of scientific articles*. Moscow: Labirint, 2007. P. 68–80. (In Russ.)
10. Bezyaeva M.G. *Communicative level semantics of vocal speech*. Moscow: Moscow University, 2002. 751 p. (In Russ.)
11. Bulygina T.V., Seliverstova O.N., Ishevskaya N.A., et al. *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka, 1982. 365 p. (In Russ.)
12. Grais G.P. Logic and speech communication. *New in foreign linguistics. Issue. 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress, 1985. P. 217–237. (In Russ.)
13. Sedov K.F. Dispute. In: *Anthology of speech genres. Everyday communication. Collection of scientific articles*. Moscow: Labirint, 2007. P. 259–269. (In Russ.)
14. Mishlanov V.A. Legislation of the Russian Federation on extremism and tasks of linguistic expertise of texts. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2012. No. 3 (19). P. 62–69. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Доронина Светлана Валерьевна – к. филол. н., доцент Алтайского государственного университета, государственный судебный эксперт Алтайской лаборатории судебной экспертизы Минюста России; e-mail: doroninasv73@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Doronina Svetlana Valer'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Altai State University, State Forensic Examiner of Altai State Laboratory of Forensic Science; e-mail: doroninasv73@mail.ru

Статья поступила: 05.10.2018

Received: 05.10.2018